

Противоречия роста прииска

Добыча олова в Советском Союзе — один из самых узких участков металлургии. Олово добывалось ещё в глубокой древности и использовалось для получения бронзы. В новое время олово получается по сложной схеме комплексной переработки, главным образом из касситерита, который содержит олова до 78,8 %. Наша страна постоянно олово ввозила из капиталистических стран. В военное время олово остродефицитно, и производство его чрезвычайно важно. Но этого никто не понимает на прииске «Красноармейский», и это главное противоречие его развития. Его производство в значительной степени передоверено уголовникам, но никто не объяснил значения прииска, не призвал к увеличению выработки. Даже если бы уголовников призвали к этому, работа пошла бы лучше.

Мыслящих людей, в том числе и меня, очень беспокоило отсутствие информации о ходе Отечественной войны. Мы полагали, что она идёт не так, как надо. Уничтожение ряда полководцев, начальников штабов, командиров, начиная с высших звеньев, до полковых и даже батальонных, не может не сказаться на войне. Мы понимали, что имеем серьёзного врага — вся Европа во главе с фашистской Германией. Но мы знаем прошлое — Наполеона, Антанту во время гражданской войны. Мы верим в наш советский народ. Мы победим. Но победа будет стоить народу очень дорого. А если в эту войну вступит Япония, будет совсем трудно. Но Советский Союз победит.

¹ Продолжение воспоминаний Якова Матвеевича Терентьева. Начало см. журнал «На русских просторах» №№ 1 (40), 2 (41), 3 (42), 4 (43) за 2020 г., 1 (44), 2 (45), 3 (46). Публикатор [Вячеслав Зайцев](#)

С началом войны наше положение стало очень щекотливым, народ в лагере ненадёжный. Сейчас наиболее опасна охрана. Она покончит с нами. Нас беспокоит, что мы не видим ни одного специалиста, грамотного инженера, который бы руководил строительством прииска. У нас большая смертность. У нас нет топлива, у нас нет техники. Уголовники опасны, правда, у меня лично с уголовниками складываются как будто неплохие отношения, но они в любой день могут измениться. Всю политику творят их «паханы». Особенно положение может измениться с прибытием нового пополнения. Уголовники пока большая сила.

Нас волнует ещё появление за бугром лагеря домика с уполномоченным государственной безопасности. Он уже вызывает заключённых, допрашивает и проводит какую-то политику. Раньше в лице госбезопасности видели чекиста — ученика Ф.Э. Дзержинского, который создал прекрасные кадры коммунистов с чистыми руками, находившихся в первых рядах борьбы за коммунизм, людей честных, мужественных, принципиальных. Сейчас среди нас их немало, держатся они просто и хорошо и умирают почти первыми. Культ личности создал новые кадры, новый тип провокаторов. Это ни в коем случае не значит, что все из них такие. Но нужно нам быть очень бдительными.

Слух прошёл, что уполномоченный грубый, всех допрашивает — ноет, почему плохо работаем, кто проводит контрреволюционную работу в лагере. Вербует осведомителей. Через короткое время я заметил, что некоторые заключённые стали меня информировать о слухах, задавать провокационные вопросы, давать советы. Я начал к ним присматриваться, даже попросил за ними наблюдать. Скоро выяснилось, откуда ветер дует. В один, как говорят, «прекрасный» день я был вызван к уполномоченному. При входе в кабинет уполномоченный встретил меня словами: «Вот ты какой, контрик!».

Он ругался, я молчал и думал — вот представитель школы культа. Он не понимает, что из пяти лет, на которые я осуждён, прошло уже три года. Нужно же быть деловым. Так и хотелось сказать ему словами А.С. Пушкина: «Как брань тебе не надоела! / Расчёт короток мой с тобой: / Ну да, я празден, я без дела, / А ты бездельник деловой». Когда он выдохся в подыскивании ругательств, я ему сказал, что ругань никогда и никому не приносила пользы, что лучше бы поинтересоваться качеством работ на шахтах, и чтобы они были безопасны. Во-вторых, помогли бы инструменты и приспособления более производительные (хотя бы

тачки), и если бы заключённые-лошади были лучше накормлены, и медицинская часть была лучше.

Уполномоченный ответил: «Ты, контра, хочешь меня учить? Вон отсюда!». Охранник было замахнулся на меня, но не ударил. Почему не ударил, непонятно. Они готовы меня убить. Всю дорогу ожидал, что он со мною покончит. Но я благополучно дошёл до лагерной зоны. Эти события ничего хорошего не предвещали. Нас серьёзно беспокоило состояние медицинской помощи в лагере. Не было ни одного врача, а фельдшеры (какие?) — уголовники.

Наконец, нас волновал вопрос плохого питания. Мы понимали: военное время, но мы хотели и добивались, как могли, чтобы нас хотя бы не обкрадывали. Мы были главной рабочей силой и под руководством уголовников всё же строили прииск.

Первый бригадир

Понемногу я начал отходить от чрезвычайной усталости и обморочного состояния. Товарищи по медпункту за мной ухаживали и помогали мне выздороветь, товарищ Романов продолжал мне рассказывать о Париже. Чем я дольше лежал, тем больше думал о своей семье, о тюрьмах, в которых я пробыл почти три года, о тяжести жизни в лагере, об унижении меня уполномоченным НКВД, как я остался жив, но часто я ловил себя на мысли, как там на шахте, как осуществлялось крепление шахты, как будем управляться с нею, не накроет ли она шахтёров-заключённых. Меня беспокоило — как сделан вход в шахту, не будет ли он нашей «мышеловкой».

Помню, в Донбассе строили шахту добротнo, умело и совсем не похоже на строительство нашей шахты, правда, здесь было другое залегание минерала. Радовало меня, что я ожил, хотя на душе было тяжело. Я был благодарен персоналу, а главное, больным, которые меня выходили. Я припоминал слова Г.М. Кржижановского: «Самое прекрасное, самое дорогое для человека — это сама его жизнь». А жизнь была исключительно тяжёлой — изматывал рабский труд. Я радовался своему выздоровлению и уже думал о предстоящем труде в шахте. В глубине души я был убеждён, что рано или поздно положение наше коренным образом изменится.

Беспокоил ход военных действий на фронтах Отечественной войны. Пугал меня произвол охранников, уполномоченного НКВД и администраторов-уголовников. Вольнонаёмной администрации вот уже много месяцев мы на прииске не видели. Меня беспокоило воспоминание, как один ротный (им был заключённый-уголов-

ник) провожал нас утром на работу. Он стоял у выхода палатки и кричал: «Ну, на выход, без последнего!». Выходящих или, вернее, выбегающих он угощал своей дубинкой: ударами по голове, по спине, по чему попало. Хотя никто не давал повода прибегать к такой мере, все были готовы своевременно к выходу на работу. Очевидно, ему нужно было показать свою власть.

Я был убеждён, что при строительстве шахты не нужно было спешить за счёт качества. Я и других убеждал делать добротню, чтобы эта шахта нас не похоронила. Я был ещё в медпункте, когда узнал, что из Певека прибыло новое пополнение и с ними прибыли трое вольнонаёмных.

Пролежал я в медпункте в общей сложности три недели и ещё фельдшер обещал дать освобождение на десять дней с посещением медпункта. Конечно, в медпункте было лучше, чем десять дней сидеть в холодной палатке без дела и, конечно, без книг, газет, без возможности что-либо записать. У нас не было ни клочка бумаги, ни карандаша. Когда я вышел из медпункта, то почувствовал слабость во всём теле.

Посещая ежедневно медпункт — ходил на приём к фельдшеру, — я в очереди получал информацию, кто умер, кто получил увечье в шахте, какие новости в бараках. Тут были любопытные и расспрашивали обо всём. Однажды, возвращаясь из медпункта в свою палатку, я издали увидел человека, идущего молодцеватой походкой и похожего на Чапаева. Присмотревшись, мне показалось его лицо знакомым. Оказалось, это знакомый мне по ж.-д. вагону на пути Свердловск-Хабаровск — Васька Хмурый, как называли его заключённые уголовники. Хмурый ещё тогда был мне наиболее симпатичен из всех уголовников, и я выдвигал его старостой вагона.

Было видно, что он был чем-то озабочен. Меня он не узнал, мы не виделись с Хабаровска, когда я с группой заключённых был взят в Хабаровскую тюрьму. Я окликнул его: «Василь!». Он остановился и стремительно обратился ко мне: «Яков Матвеевич! Ты ли это?».

— Ты не ошибся и даже не забыл, как зовут меня, — ответил я.

— Я не только не забыл, а мы вас не раз вспоминали, решили, что вас оставили в Хабаровске, — говорил Василий.

Оказывается, мы ехали одним переходом от Находки до Певека. Он рассказывал, что его оставили в Певеке, что с моей лёгкой руки он ехал старостой, а в Певеке назначили бригадиром и предложили бригадиром быть на шахте.

— Да что мы разговариваем на дороге, пошли в барак, — продолжал Василий.

Мы пошли в новый барак, где расположились все приехавшие из Певека.

Едва мы вошли в барак, он дал команду какому-то своему пареньку приготовить нам по баночке чая. Мы там пили чай в баночках из-под консервов. Мы прилегли на нары. Вскоре готов был чай, Василий вытащил сахар, галеты и угостил меня, что было редкостью в лагере.

Василию лет около тридцати, среднего роста, худощав, волосы тёмно-русые, острижен, как все заключённые, короткий нос, тонкие губы, усы не чапаевские — небольшие, лицо умное. Одет в поношенные кожаные сапоги, брюки и телогрейку, на голове — ушанка.

Василий сообщил, что с «Сахалина» и подошедшего второго корабля сгрузили уголь, технику, много одежды для заключённых, охраны и вольнонаёмных и других, в том числе продовольственных грузов. Сгрузили так много, что до сих пор не могут разобраться. Я тем временем справился с баночкой чая и галетой и поблагодарил. Он продолжал, что вчера на санях привезли тридцать человек. С ними приехал инженер и два техника. Оказалось, что его вызвал инженер и предложил принять бригаду, объединив дневную и ночную смены — всего более ста человек.

«Я, — говорил Василий, — не горняк и “ни бум-бум”, как он сказал, в горном деле — и отказался». Инженер велел подумать и дать ответ ему завтра утром. Он начал перечислять трудности: хотя в бригаде будут работать в основном политические, но и больше двадцати «наших парней», т. е. уголовников, а они не любят работать, и я не смогу их заставить работать. Потом отношения с охраной сложные. На днях приедет начальник лагеря, какой-то капитан. А, главное, — говорил он, — у него плохая грамотность и незнание горного дела.

Я рекомендовал ему дать согласие на бригадирство, и чтобы он записал меня в свою бригаду рабочим, я буду оказывать ему помощь. Правда, я тоже не горняк, но несколько лет был связан с работой шахт Донбасса, часто там бывал и волей-неволей должен был изучать горное дело. Он ответил, что так и подумал, когда встретил меня. Сказал, что завтра даст согласие. Я видел, что он был доволен.

Василий Николаевич Новиков — я впервые узнал его фамилию, а «Хмурый» — это прозвище, стал бригадиром, а через несколько дней я стал рабочим первой шахты прииска «Красноармейский».

Учёба горняцкому делу

Руководящий коллектив прииска «Красноармейский» мы не видели много месяцев. Первые два-три месяца мы мало что знали о цели нашего привоза в момент начала войны. Но этот руководящий центр был. Непонятно, почему они молчали и не показывались. Ясно стало, что здесь готовится нами зарезка шахт. Работа была нецелеустремлённой, некоторые работы были сделаны ненужные. Но человеку грамотному и вдумчивому было ясно, что мы делаем то, что в горном деле называется «Подготовительные работы горных выработок».

Я уверен, что руководство знало о том, что без соответствующей подготовки рабочих, без среднего руководящего состава строительство прииска невозможно, даже подготовительная работа без подготовленных кадров стоила прииску очень дорого. Стоимость я не исчисляю в деньгах. Кадры рабочих через три месяца поредели, а оставшиеся были сильно утомлены. Они использовались очень нерационально, был высокий травматизм. Климатические и бытовые условия сильно изматывали людей.

Рабочие по своему правовому положению делились на прииске на три части:

- политические, всякий их разговор становился известен уполномоченному НКВД, начинались вызовы, допросы, крики — всё это становилось известно всем заключённым. Было развито недоверие друг к другу;

- вторая часть: рабочие, крестьяне, красноармейцы, в большинстве случаев — специалисты работали на общих основаниях и не использовались по специальности;

- третья часть — «урки»: уголовники (бандиты, убийцы, грабители, насильники, воришки) были привилегированной частью заключённых. Они назначались бригадирами, старостами, ротными. Из них были хозяйственники, медицинские работники, кладовщики.

Поскольку их «мировоззрение» было таково, что они «люди», а остальные «черти», то их можно обворовывать, забрать последний кусок хлеба. Они были, по существу, находкой для уполномоченного НКВД прииска по эксплуатации политических и иных заключённых. Они были наговорщиками — информаторами уполномоченного. Несколько позднее был на прииске сфабрикован «заговор» о восстании на лагпункте, но это тема отдельная.

Я решил оказывать всяческую помощь первому бригадиру первой вахты — Новикову В.Н. Я рассказал ему о подготовитель-

ных: о подготовке площади, куда будет ссыпаться полезное ископаемое и куда сейчас сброшено много пустой породы. Второе — это подготовка кадров взрывников, следовало подобрать сильных парней, надо познакомить их с бурильными молотками, если они завезены, познакомить их с системой бурения, направлением шпуров, с зарядкой шпуров, с закладкой зажигательного шнура. Нужно высчитать, какая нужна длина шнура и сделать расчёт времени, необходимого для эвакуации взрывников. Каждый рабочий день мы обсуждали с бригадиром. Одновременно я рекомендовал ему все свои действия согласовывать с вольнонаёмным прорабом.

В конце концов, мы узнали, что должны дать стране олово. Но сначала нужно добыть оловянный камень или иначе называемый касситерит. Касситерит нужно добыть из руды. Нам добыть его из грунта вечной мерзлоты будет нелегко. В наших песках на куб грунта будет его грамм 200–300. Касситерит похож на охотничий порошок: кристаллы чёрно-бурого цвета с алмазным блеском. Касситерит ещё не олово, а сложное вещество, а олова в нём от 55 до 78 %, а остальное — свинец, вольфрам и редкие элементы таблицы Менделеева, — всё очень ценные материалы для металлургии. Касситерит нужно доставить на материк на соответствующие заводы, где их извлекут, но в данный момент нужно получить нам олово, — так я говорил своему руководителю — бригадиру Новикову. Для него всё это было ново.

В наших шахтах касситерит должен быть в виде пластов, наверное, толщиной от полуметра и выше — метров до 10. Наверное, данные разведки имеются у прораба. Мы должны выйти на поверхность касситерита. Будем сначала бурить неглубокие шпуры, т. е. цилиндрические ямы на глубину, зависящую от того инструмента, который нам дадут. А потом их будут рвать взрывники. Полезное ископаемое будем отвозить в карьер. Кроме того, нужно построить «зарядную», где должны готовить «патроны» для закладки в шпуры.

Мой Новиков слушал, слушал и говорит: «Ну, брат, ввязал ты меня в историю. Всё это сложно, очень сложно. Я не справлюсь, и скажу прорабу — пусть бригадиром назначит вас, вы всё-таки знакомы с этим делом». Я посоветовал прорабу не говорить обо мне, я-то не горняк. Я военный инженер — взрывчатник, я подбирал взрывчатые вещества для артиллерийских орудий, но никогда их не взрывал как сапёр. А потом — я «враг народа», и никто не разрешит поставить меня бригадиром. Далее я сказал ему, что наши беседы — это ещё не программа работы, а только повышение

знаний, чтобы, получая задания от прораба, мог понимать, о чём идёт речь и задавать ему вопросы. Я предупредил его, что с рабочими-заключёнными он может говорить только не от моего имени.

Через несколько дней нас — всех рабочих бригады Новикова — переселили в один барак. Лучшую часть помещения заняли урки, среди них и наш бригадир. Остальные — у дверей, с одной стороны политические, с другой — «работяги». И я переселился из палатки, пережив там долгую зиму. Примерно через неделю после начала нашей «учёбы» с бригадиром прибегает он с признаками удовольствия — прораб объявил, что скоро прибудет пополнение, среди прибывающих будут бурильщики и взрывники, и что нужно выделить по десятку человек, которые будут обучаться. Будет завезена взрывчатка, бикфордов шнур, бурильные молотки и другие инструменты. Прибыл и начальник лагпункта.

Будем строить склады под взрывчатку и помещения для второго отделения лагпункта (наше будет первое). Будут вестись работы для подготовки второй и третьей шахты. Потом прораб ему сказал, что будут строить промприбор, что это, я не знал. Видимо, это будет оборудование для промывки песка.

Крепёж

Бригадир Новиков в каждый более или менее свободный час приходил ко мне, ложился на нары и говорил, что столько мелочей в жизни, что нет времени поговорить с хорошим человеком. «Ну, расскажи, что ты ещё мне не бачил (не говорил)». Я собирался с мыслями и говорил, что собирался рассказать о креплении горных выработок. И я говорил: надо помнить, что буровзрывные работы являются нашим другом, сразу оторвёт и измельчит руду 10–15 кубических метров, а вручную это не сделала бы вся бригада. С другой стороны, взрывные работы являются нашим ярым врагом. Практика и работы учёных создали крепления горных выработок для безопасной работы рабочих. Под крепёж подразумеваются разные сооружения в самой горной выработке и вне её, это те конструкции, которые предохраняют рабочих от обвалов горных масс. Основная цель их — создание безопасной работы.

Далее я рассказывал ему об опасности оседания кровли. Чтобы избежать этого, остаются целики горных пород, размеры их рассчитываются, как и место, где они делаются. Кроме того, осуществляется контроль за кровлей, чтобы вовремя заметить её сползание. Для крепления выделяются специальные бригады. Конструкции крепи предусматриваются проектом и должны быть

у прораба. Бригадир должен не допустить сползания кровли, иначе вся бригада будет погребена, а работа пойдёт насмарку.

Так эта беседа продолжалась долго и в ней принимали участие заключённые, лежащие и сидящие по соседству.

Очистные работы

Как и в любой отрасли, в горном деле имеется большое количество специальных терминов. Если их не будут знать не только специалисты, но и рабочие, то работы не будет. Очистные работы в горных выработках — это когда горняк получает в забое чистую руду с касситеритом. Очистной забой — это где трудится горняк, а очистное пространство — пустое пространство, горняк ушёл. Надо знать, что такое квершлаг, штольня, штрек, бромсберг и многое другое. Я не горняк, но по работе в роли инспектора в тридцатых годах я, чтобы не быть простофилей в разговорах, изучал, что и где и как производится и по книгам, и у горняков на месте их работы. И вот пригодилось. Сейчас я учу совершенно неграмотных заключённых горному делу. Хотя здесь своя специфика, но надеюсь, мне не помешает уполномоченный НКВД на прииске или не убьёт охранник.

Очистные работы — это основная работа в горном деле. Обязательно предполагается комплексность всей системы работ: крепление выработок, буровзрывные, управление кровлей, отбойка руды, транспортировка и сортировка её. В наших условиях, на Чукотке во время войны, механизация горных работ будет ограниченной. Буровые молотки и взрывные работы — это уже часть механизации. Вероятно, завезут малогабаритные рельсы, значит, придётся строить узкоколейные дороги для ручной откатки руды в вагонетках. При отсутствии у нас электроэнергии, освоение, вероятно, будет керосиновое, а, вероятнее всего, в площадках горящий перпичий жир. На практике так и оказалось; в выработках стояло чёрное облако от дымящихся площадок, расставленных в условиях шахты. Возник вопрос о проветривании очистных забоев, что не было предусмотрено проектом.

Вот так проводились очередные беседы с бригадиром и его помощником.

«Заключённым охрана труда не предусмотрена»

Известно, что на всех предприятиях СССР обеспечивается охрана труда, и государственные, партийные и общественные организации принимают меры по оздоровлению условий труда. Однако об охране труда в первой шахте Чаун-Чукотки рабочим-

заклѹчѣнным не было сказано ни слова. Ни слова не было сказано о технике безопасности. Поэтому здесь были несчастные случаи ежедневно и во многих случаях со смертельным исходом.

Понятно, что мы — заклѹчѣнные, и формально мы «враги народа», что к нам, как указывал в одной статье М. Горький, гуманизм пролетариата требует неугасимой ненависти к мещанству, к власти капитализма, фашистам, палачам и предателям рабочего класса. Однако советский суд осудил на определённые сроки, другое дело — правильно или неправильно, но заклѹчѣнные превращены в рабочих. Когда один из заклѹчѣнных обратился к охраннику с просьбой о разъяснении, кому полагается об охране труда и роли техники безопасности, то охранник ответил, приподняв винтовку: «Заклѹчѣнным охрана их труда не предусмотрена инструкцией». Этот ответ не случаен. Несомненно, в инструкциях где-то записано о борьбе со смертностью, использованию заклѹчѣнных как рабочей силы, нормах рабочего дня и т. д. На прииске заклѹчѣнные являлись рабочей силой. Не случайно общий надзор за соблюдением охраны труда правительством возложен на прокуроров. Согласиться с заявлением охранника нельзя. Я, как мог, инструктировал бригадира Новикова о технике безопасности, но случаев тяжѣлых было много.

Вот случай в нашей первой шахте: после взрыва одного пласта руды с касситеритом мы работали звеном в четыре человека. Один транспортировал вагон руды в карьер. Мы трое — «подборщики» — подбирали руду, сбрасывали с железнодорожной колеи и по прибытии вагонетки без задержки её загружали. Как только вагонетка ушла, мы трое закурили, и я сейчас же пошёл подкидывать уголь, второй сделал несколько шагов в сторону, третий оставался на месте, и в этом месте упала с кровли глыба весом в тонну, ударило Петрова А.П. в грудь, он упал, и вся тяжесть глыбы ударила по ногам, одна нога была раздроблена ниже колена. За эту травму никто не понёс никакой ответственности. Второй случай. Высокий красивый мужчина был главным бухгалтером одного книгоиздательства, к тому же пианист. Осуждѣн по липовому делу. На шахте он откатывает в вагонетках руду. Из-за неисправности вагонетки, чтобы не убить людей впереди, старается уменьшить скорость своей вагонетки, рука попадает под по (неразборчиво) и разрезает правую кисть по диагонали — от большого пальца к мизинцу. В санпункте врач соединяет края раны, зашивает и много месяцев её лечит, это был Собесский В.В. Никто не выявляет причину травмы и никто не несёт ответственности.

Третий случай. Бывший московский рабочий Аверчиков А.М. за спор в одной московской булочной с продавцом был приглашён в НКВД, ему был приписан контрреволюционный разговор; за антисоветскую агитацию он получил от Особого Сопевщания НКВД 8 лет и попал на Чукотку. В шахте он тоже работал на откатке вагонеток. При откатке грунта вагонеткой был отрезан палец на руке.

И так каждый день.

Смерть бригадира Новикова

Бывший преступник — этого Новиков не скрывал — здесь остепенился, выдвинулся в бригадиры и был хорошим руководителем бригады. Бригада была уже 120 человек. Он старательно учился горному делу, одновременно учил этому делу рабочих. Он часами мог слушать рассказ о системе горных выработок. Также он слушал о полководцах Суворове и Кутузове, с восхищением слушал о писателе Тургеневе. Через день-два или неделю мог рассказывать услышанное своим друзьям. Он обладал прекрасной памятью и организаторскими способностями. Я уже писал, что внешне, своей находчивостью и стремительностью, он походил на Чапаева из кинофильма. Стремительность ему неоднократно вредила. И вот нужно было перенести бревно в органном креплении. Он показал это двоим заключённым и поручил снять и перенести на другое место. Бревно было сжато, и рабочие раскачивали его около часа и никак не могли вытащить. Вернувшись, Новиков обругал их, подумав, что они «филонят», т. е. тянут время, сказал им, чтобы отошли, стремительно бросился и вытащил это бревно, но за бревном упала глыба мёрзлого грунта и тут его похоронила. Произошло это в конце отработки шахты, весной, где мы проработали целый год.

Уньнию бригады не было конца. Откопали и похоронили Новикова в гробу, к захоронению несли его в сопровождении группы заключённых, администрация пошла нам навстречу. Но этого могло и не случиться, если бы был соответствующий надзор. Я в это время работал в этой же шахте, но на другом конце.

Умер мой ученик и друг.

Бушует большая пурга

1945 год, апрельское утро. В пустынной и величественней тундре Чаун-Чукотки удивительно тихо и морозно. Ещё несколько часов назад на её просторах бушевала пурга. Такие пурги в этом районе отличаются особой силой, продолжительностью. Ветры, имеющие направление с юга на север, получили местное название «южак». С утра и природа была иной, нежели в течение

прошедших двух недель. Позади длинная полярная ночь, а сегодня солнце такое яркое на безоблачном небе. Здесь такое бывает редко. Но солнце светит, но не греет. Температура, когда выходил с прииска «Красноармейский», была ниже 25 градусов мороза, а сейчас, вероятно, на несколько градусов ниже. Это чувствуется по бороде надетого накомарника (для сохранения лица от замораживания) по наросшей наледи около рта. Солнце в это время небезопасно. Неопытный путешественник, двигаясь с сопки на сопку без защитных очков, в течение одного дня может навсегда остаться без глаз. На другой день потрескаются губы, а белое лицо после полярной ночи за один-два дня пребывания на солнце загорает и делается коричневым.

С вершины высокой сопки человек не может оторвать глаз от прозрачной и сказочно ослепительной белизны снежных покровов, от сурового, но красиво пересечённого рельефа с различными оттенками безмолвной местности. Человек идёт по трассе, забитой плотным слоем снега, с сопки на сопку, не выбирая себе пути. Он вышел с прииска затемно, прошёл около пятнадцати километров, чувствовал усталость. Осмотрелся, где бы присесть, и, видя, что подходящего места нет, сел прямо на снег. Осторожно снял с шапки накомарник — мешок с вшитой чёрной плотной и крепкой сетки, приспособленный для путешествия в зимних условиях при низких температурах. Потом снял шапку, защитные очки, снова надел шапку, лёг и вытянулся не снегу, закрыв глаза. У него были противоречивые мысли. С одной стороны, хороший день заставлял любоваться тихой и морозной погодой, яркое солнце и яркие краски от солнечных лучей на снегу. Отполированное пургой множество льдинок отражало лучи солнца, как бы горело множество свечек или как будто снег расцвёл разноцветными горящими цветами. Тундра как будто покрыта чудесным ковром. Это отгоняло мрачные мысли. Всё это вдохновляло фантазии, думы о будущем, о коренных проблемах морали и идеалов советского человека, о нравственной свободе и ответственности личности.

А с другой стороны, наша реальность: Родина истекает кровью, идёт беспощадная война. От нас — заключённых — скрывают, как она идёт. Слышим противоречивые разговоры. Мы уже пять лет находимся на Чукотке и ничего о ней не знаем. Никакой информации, ни газет, ни книг, ни бумаги, чтобы написать письмо. Но я верю, что многие заключённые останутся и будут настоящими людьми.

Я получил одну газету и огрызок карандаша, начал писать для памяти — отобрали, и я имел массу неприятностей. Так думал наш путник. Он уже шёл своим путём, и по дороге разговаривал

сам с собою. Разве рационально использовать инженеров почталёонами, шахтёрами, поварами, да ещё бывших коммунистов, поскольку у нас отобрали партбилеты. Что это за дело — ни в чём не повинного оторвали от работы, от большой семьи, арестовали, оклеветали, дали срок заключения, который уже прошёл, и помалкивают, когда же пойдём на свободу? На освобождение никакого намёка.

Присматриваюсь к дальней угрюмой горе, вдали видно, как поднимается облако. Что это? Похоже на позёмок!

Стало видно лагерный посёлок, 67 километр от пос. Певек, куда спешит наш путник в Горнопромышленное управление. А потом обратно — на четвёртый километр в его лагерь для заключённых. Через несколько минут ходьбы пешеход заметил, как рабочие — заключённые чистят дорогу, по одному растянувшись в цепочку, как кроты, зарывшись в снег. Путник глубоко вздохнул, ему стало легче, он почувствовал себя не так одиноко. Тундра уже не казалась ему бесконечной и безлюдной.

Время было за полдень, и небо стало покрываться тучами, и ветерок начал подвывать, а человек продолжал любоваться своеобразной красотой тундры и сопок, а главное — его ободрило появление в тундре людей, он пошёл быстрее к ним. Он перестал следить за дальней возвышающейся сопкой, как та закрывается облаком снежной пыли. Его тянуло к людям, к лагерю, где он будет ночевать. Лагерь был расположен в долине. Вот первый заключённый, он сообщил, что завтракали часов около шести, и немедленно их повели на расчистку, и что уже километров десять трассы очищено. Но так они чистят трассу четвёртый раз, как и посёлок, а потом пурга всё замедляет, и каждый раз им нужно всё больше выбрасывать снега.

Посидел около рабочего, послушал его жалобы на бесполезную работу — он обратил внимание пешехода, как небольшой ветерок постепенно замедляет очищенную дорогу. Заключённый говорил, что ему ещё осталось прокопать около 30 метров снега в рост человека высотой и шириной для прохода автомашины. Так прошёл первого, второго рабочего и так около сотни человек на расчистке трассы. Все копали. Когда подошёл к лагерному посёлку, начало темнеть. Путник устроился — уже не впервые — в одном рабочем бараке, утеплённом снегом, на общих двухэтажных дощатых нарах. Он подвёл итоги своего путешествия — он сделал около тридцати километров. Сравнил это с путешественником, исследователем Чукотки С.В. Обручевым, который в 1934–1935 гг. на оленях ежедневно делал в два раза меньше.

Через час-полтора пришли усталые замёрзшие мои гостеприимные хозяева этого барака. От них я узнал, что ветер усилился. Некоторые товарищи из дорожной бригады предсказывали, что завтра будет вновь пурга.

Второй день

Что день грядущий мне готовит?

А.С. Пушкин

Наш путник, когда шёл по трассе при хорошей погоде, мечтал, что хорошая погода сохранится, и он доедет на машине, идущей с приисков. Утром встал в темноте и увидел, что тучи покрыли небо, дул средний ветерок, и пошёл в контору, узнать, сколько времени. Здесь ни у кого нет часов, всё построено на команде. Староста только пришёл и дал команду — подъём. Я сказал, что хотел бы уйти ещё до развода. Староста знал путника несколько лет и ему не нужно было ничего объяснять. Он рекомендовал мне пойти в столовую и позавтракать, а он узнает, как там на трассе и какие новости передают по телефону. Начальство торопит открыть автотрассу, рабочие сейчас будут выходить на чистку дороги от снега. Староста ушёл в помещение охраны, которое было около проходной из зоны во внешний мир.

Я наскоро позавтракал и отправился в контору к старосте. Староста сообщил, что сегодня собираются открыть трассу. Машины должны пойти по ней сегодня. Путник знал хорошо необходимость открытия трассы, он нёс бумаги, где сообщалось уже не в первый раз, что прииск крайне нуждается в аммонале для взрывных работ, запасных частях к разным машинам, продуктах и многом другом. Староста и путник пошли к выходу. Староста пожелал счастливого пути, а охранник крикнул — проходи! и добавил — смотри не замёрзни, температура минус 27 градусов и на трассе беспокойно.

Я свободен, выхожу на трассу, иду по чищенной накануне дороге, ветер дует в правое плечо, трасса знакома — я её строил, находясь в следующем лагере прорабом на 48-м километре. А на 24-м километре — следующем лагерном пункте — я работал зиму, и памятно, как пропускали колонну в крепкий ветер и поёмку, работали по 12–16 часов и падали от усталости.

19 километров пути до лагпункта 48-го километра дорога была вычищена хорошо. Путник шёл по траншее и по сторонам были видны только гребни сопков. Светало, мороз давал себя знать, пришлось надеть накомарник. Солнце иногда пробивалось сквозь

плотные тучи, но через минуту его не было видно. День был скучный, машины не появлялись, ветер дул, снег перелетал через голову. Так шёл часа 3–4 и неожиданно встретил рабочих — дорожников лагпункта 48-го километра — они чистили участок дороги с этой стороны. Они пришли ещё затемно, но настроение у них было хорошее. На вопрос, пропустят ли они сегодня машины, один заключённый ответил:

— Известно, «Южак» в апреле беспокойный, но ничего, машины сегодня пропустим.

Пришлось путнику лезть наверх и продолжать путь по плотному снегу. Идти мешали ступеньки, образовавшиеся от большой работы предыдущих пурги и позёмки. Рабочие лагпункта 48-го километра растянулись километров на пять, участки их чистились неравномерно, что зависело от плотности снега и силы рабочего. От конца очищенной дороги ещё виден лагпункт. Виден только дым от печей кухни и барачков. Всё занесено снегом вместе с воротами. Если на лагпункте 67-го километра заметна граница между лагерем и тундрой, то в этом лагере всё занесено снегом. Захожу в контору и встречаю знакомых заключённых, оказывается, нет ещё и двенадцати часов. В лагпункте зашёл к старосте, потом в один пустой барачок, закурил, чем бог послал, часик отдохнул.

Погода чукотская, можно идти, и я пошёл, надеясь пройти сегодня до лагпункта 24-го километра. Дорога в основном прочищена, в любой момент могут пойти автомашины. Дорога до очередного лагпункта не представляет особой трудности, если не считать сопку перед самым лагпунктом 24. Он расположен у подошвы двух сопок. Обе сопки являются отрогами хребта, идущего с юга на север, и упираются в Чаунскую губу. Крутизна их разная. К вершине «Западной» подъём пологий — километра два-три, а спуск крутой. У «Восточной» склон тоже крутой, но несколько более пологий, чем у «Западной». Высота их метров 200–300, гребни сопки округлённые.

В сильный ветер и позёмка мне приходилось ходить, и всё оканчивалось благополучно. Мне придётся перейти «Западную» сопку, спуск её оканчивается летом в речку, через которую имеется мост, сейчас занесённый снегом. Пройдя часа два от лагпункта «48», у путника меняется настроение. Дальние сопки начинают окутываться туманом, ветер усиливается. Это ничего хорошего не предвещает, это кончается двухнедельной пургой. Надев накомарник, он выворачивает карманы своего бушлата, ускоряет шаг, готовится встретить пургу во всеоружии.

До лагпункта «24» остаётся около 15 километров. Дорога постепенно становится непроходима, приходится сойти на обочину, с которой сдувается падающий снег, но зато приходится убавлять шаг и сильнее опираться на левую ногу, чтобы устоять на ногах. Через километр-два путник почувствовал испарину на лбу и, кажется, на спине. Он подумал, что если пойдёт такими темпами, то охранник, провожавший его, будет прав, и он замёрзнет ещё сегодня. Путник немного сократил шаг и тут обратил внимание на завывание струн необыкновенного музыкального инструмента — это начинают завывать провода: с одной стороны, телефонной линии, с другой — электропередачи Певек — прииск «Красноармейский».

Тут я заметил, как усилился ветер. Правая рука почувствовала холод, проникающий через ватный бушлат, ватную телогрейку, курточку и бельё — всё пронизывало насквозь. Обзор впереди сократился метров до 200. Бегущие по тундре змейки мельчайшего сухого снега постепенно превращаются в сплошнойдвигающийся слой. Провода, не переставая, тревожно стонут и гудят. Почти перед носом путника стремительно пролетают куропатки. Стая тундровых куропаток торопится скрыться в укромное место, спешат запоздалые зайцы или песец в свою нору. Но вот, на минуточку или, может быть, больше, снежная метель неожиданно стихла. Но это продолжалось недолго. Опять рванул ветер, заметно темнеет, снег вновь ринулся на колею дороги. Нет уже никакой надежды, что автомашины пойдут по такой дороге.

Путник решил передохнуть, найдя на дороге уголок, ещё не засыпанный снегом. Вытащил кусок хлеба и решил немного подкрепить себя. Хлеб был спрятан в укромное место, но холод дошёл до него. Он начал грызть хлеб и тщательно его пережёвывать. Из другого кармана он вытащил кусок нерпичьего жира — грамм 20–25, который ему сунул один заключённый на лагпункте «48». Жир этот высококалорийный и он очень, очень пригодился ко времени.

«Разумный» отдых окончился, отдышался, поужинал. Сориентировался на местности. По соображениям путника, он находился примерно в семи километрах от лагпункта «24». Определил, что снежная метель ещё не перешла в пургу, а до «Западной» сопки около четырёх километров. Новый сильный порыв ветра со снегом заставил встать, снег его уже засыпал. Он всё время помнил — нужно бороться со сном. Дремалось, но он одержал победу над сном и желанием залезть в снег, как это делают чукчи. Он мог

там заснуть, и его нашли бы через пару месяцев. Двигаться, двигаться во что бы то ни стало! И он шагал.

Путь стал ещё тяжелее. Темно, но автотрасса ещё заметна. Он пытается взять размеренный шаг, но это не выходило. Но он шёл. Снег слепил его, ветер сбивает его с пути, он то и дело спотыкается. Идёт всё медленнее и мучительнее. Иногда путник ощущает, что ему не хватает для дыхания воздуха, и он останавливался, нагибался, прячась на ходу от начинающейся пурги. Отдышался и вновь зашагал вперёд. Ещё час назад завывание проводов было ориентиром для путника, сейчас их визг слился с музыкой «Южак». То и дело путник останавливался, он боялся потерять дорогу.

Использовал характер пурги — сила её движения волнообразна. Когда она с максимальной силой дует, путник стоит, наклонясь, когда дует с меньшей силой, он идёт или бежит. Бежать в пурге можно, конечно, только когда она дует в спину. Когда пурге удаётся сбить путника, она хохочет над ним на всю тундру. Когда он встаёт, она хлещет его со всей силой. Путник проходил по этой дороге один и в составе бригады рабочих не менее десятка раз. Вот сейчас он подходит к невысокой безымянной сопке, здесь образуется угол и короткий спуск, а потом начнётся подъём на перевал сопки «Западной». Если здесь он собьётся идти по ветру, уйдёт от дороги, то можно как бы обойти сопку «Западную» и выйти к Чаунской губе, вправо — низина и при пурге наносятся глубокие сугробы снега. Из этого снега не выбраться.

Путник решил найти место, где не хлещет снег, где можно, наконец-то, дать себе отдых. Такое место найти трудно, но передохнуть надо. Идёт он боком, высматривает место, где нет пурги, такого места нет. Путник ложится прямо на снег, по которому несёт уже не снег, а льдинки. Его постепенно заносит снегом и мельчайшим льдом. Становится как бы теплее, но это только кажется, это просто всему телу дан покой. Так неожиданно можно провалиться и заснуть. Начинаю соображать, где лежу, дальнейший путь — около километра спуск, а там подъём на сопку.

При отсутствии пурги я через час был бы в лагпункте, считая через пару часов я буду под крышей на «24». Привстал, оглядываюсь назад и прихожу в ужас — промелькнула тень, и мне показалось, что это россомаха — они тут бывают и нападают на людей. Правильнее сказать, нападают на усталых одиночек сзади. Осматриваюсь, но зверя не вижу. Успокаиваю себя — в такую погоду и пургу она сидит в расщелине в горах. Хотя я видел россомаху на 24 километре вечером в сильную позёмку. Шофёр остано-

вил машину с мясом забитых оленей и отошёл, а я не видел отку- да она взялась и старалась вытянуть привязанную тушку оленя. Я закричал не неё, появились ещё заключённые с лопатами, и она скрылась. А сейчас, в случае нападения на меня, у меня нет даже палки.

Я встал, пошёл очень медленно, поглядывая всё время назад. На этом участке трудно было различить трассу, поэтому часто приходилось разведывать дорогу, прощупывая её ногами. В одном месте чуть было не свалился под откос, но тут помогла пурга, под- держав меня. Я знаю, что тут высокая насыпь, но откоса не видно.

Так, мучаясь, прохожу ещё около часа. Наконец, попадаю на лёд, ледяной путь. Тут невозможно идти. Значит, я у самой подошвы сопки «Западной». Моментально оказываюсь на животе, падая, я не ушибся. Минуту или больше я лежу на животе. На ногах двигаться невозможно. Пытаюсь ползти на четвереньках. Прополз несколько метров и почувствовал — твёрдая площад- ка. Пытаюсь медленно встать, наклоняясь правым боком к пурге. Здесь легко заблудиться, а выше — пурга может снести. Так, как- то ночью был снесён в Чаунскую губу сторож магазина, а магазин был в километре от ледяного поля губы. Второй был случай — ча- совой от склада на берегу моря был унесён за 12 километров к бе- регу острова Большой Роутан против Певека. Мне нужно показы- вать себя пурге минимальной площадью, иначе я стану очередной жертвой пурги. У нас на Чаун-Чукотке не было ни одной пурги «южака» без жертв. Всё это проносилось в мыслях путника. Вновь и вновь приходится лезть на четвереньках или на животе. Про- ходят часы, приходится удивляться, какая колоссальная энергия пурги. Невольно начинаешь думать, хоть бы часть её использо- вать для хозяйства Чукотки.

Вдруг пурга стихла, и я сейчас же выпрямился и чуть ли не побежал вверх. Дорога местами отполирована так, что сколь- зит, как каток. Только я справился с этим катком, как пурга на- чалась вновь, так же неожиданно, как только что прекращалась, и я не успел приготовиться к ней. Подхватило меня как будто вверх и швырнуло на несколько метров, но хорошо, что вперёд, а не назад. Я лежал и пробовал, всё ли у меня цело, могу ли дви- гаться. Через несколько минут путник установил, что ноги и руки целы, и он может двигаться.

Но наш путешественник не вставал, нужно было определить, где он находился и далеко ли от гребня сопки. Пурга хлестала не снежинками, летели не то куски льда, не то россыпь камней.

Плотно прижался к гребню сопки и не мог определить — уже на стороне спуска или ещё на стороне подъёма? Беспокоило, не изменилось ли направление ветра здесь на гребне сопки или оставался в направлении прямо с юга на север, как это было на всём пути движения? Ветер меня должен привести к лагпункту. Интуиция подсказывала, что нахожусь против лагпункта. Но я не должен двигаться на север — это конец мне. Я пополз навстречу ветру, предполагая, что он отбросил меня от трассы. Пурга шлифовала гребень сопки, ветер был здесь наиболее силён. Прополз метров 15–20 и далее полз так, чтобы ветер дул мне в правый бок. Так двигался некоторое время и показалось, что я ползу под гору. Наконец, наш путник встал, идти стало легче. Воскресла надежда попасть в лагпункт, двигаться я начал смелее. Но шёл я не совсем уверенно, так как под ногами не чувствовал дороги.

Человеку, не видевшему тундры и автотрассы в ней, не понять, что у трассы собирается весь утрамбованный снег, а тундра будет голой, и снег будет унесён пургой. Но не всюду так, это зависит от рельефа местности. У путника уверенность, что через несколько минут он будет в лагпункте, в тепле. В такой борьбе он устал. Не случайно один чукотский поэт говорил: «Я полз и мёрз, как на войне, / Прощупал каждый метр...»

Но вот он прошёл склон, не заметив моста через речку, как и её берега. Он стоял, по его расчётам, перед лагерным пунктом. Но, увы, он не видел лагпункта.

Он пришёл, он был уверен, что увидит лагерь, как только пурга временно притихнет. Нет. Он его не увидел. Снял обмёрзший ледяной накомарник, прошёл вперёд, прошёл назад, всё присматривался, пропало его воображаемое пристанище.

Он прилёг, отдохнул несколько минут, закрыв глаза, полагая, что всё же увидит бараки и проходную с охранником. Сидя на снегу, он почувствовал, что, кажется, его тело холодеет. Вновь присматривается, но не видит то, что с таким нетерпением хочет увидеть.

Он начинает сомневаться, что правильно избрал направление своего пути, а внутренний голос говорил, что лагерь здесь, рядом. Чтобы не замёрзнуть, он начинает двигаться, ходить, стараясь не потерять направления, откуда он пришёл. Вновь он должен прощупать каждый метр. Здесь пурга слабее, нет-нет она даёт возможность рассмотреть местность на 100–200 метров в окружности. Так он прощупывает землю ногами, вероятно, около часа.

Продолжение следует.